

ПОЛИКЛИНИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

НЕ БОЛЕЙТЕ!

В конце октября Серёга заболел. Никогда не болел, а тут – на тебе: в горле запершило, из носа потекло, температура какая-то в голову шибанула... Перепугался, даже врача на дом вызвал.

Докторица впорхнула в его жилище, не разувшись и ног не вытирая. Серёга тогда не знал, что такое право непрерываемо закреплено за представителями двух профессий: сантехником и участковым терапевтом. Впрочем, ладно. Она и нагрязнить-то особо не успела. Послушала Серёгу, застывшего с высунутым языком, лекарства назначила и велела сдать анализы для обнаружения всякой заразы. И упорхнула.

Серёга медицинские указания аккуратно выполнил: таблетки скушал, баночки какие надо наполнил и отправился в поликлинику, где отродясь не бывал.

Поликлиника встретила недружелюбно – хлопнула по спине дверь, по ноздрям – микстурным запахом.

Неровная очередь к гардеробной стойке скучно вздыхала под яркой табличкой: «Сумки и шапки не принимаем». Не принимали не только сумки и шапки, не принимали ничего – все крючочки были заняты, и гардеробщица, худая и нервная, визгливо увещевала хандрящую очередь:

– Ждите. Сейчас с анализов будут подходить с номерочками, тогда раздену...

«Вот ведь сколько народу болеет!» – ужаснулся Серёга и пошёл наверх одетый.

Заняв очередь «на кровь», он стыдливым шёпотом поинтересовался у стоящей впереди женщины в вязаной шапочке, куда пристроить наполненные баночки. Ему показали.

Возвратившись, Серёга попытался было втиснуться за «вязаной шапочкой», но вновь подошедшие желающие подставить свои вены под шприц заявили: «Вы тут не стояли» и оттеснили его в конец очереди. Там тоже оказалась «вязаная шапочка», может, даже та самая, и Серёга решил держаться за ней.

Очередь не слишком ходко, но двигалась. Серёга с интересом знакомился с медицинской настенной агитацией. Прочитал и про СПИД, и про туберкулёз. Особенно его вверг в уныние сахарный диабет. Серёга мысленно, но отчаянно корил себя за то, что прежде не посещал медицинских учреждений, а насморк лечил обыкновенной поваренной солью.

Вдруг он услышал, как дамочка в кокетливой шляпке спросила у соседки по кушетке:

– Вы шприц купили?

Серёга заволновался. Докторица про шприц ничего не говорила.

– Успокойтесь, женщина, – сказали из очереди. – Есть у них шприцы.

– Да у них отечественные! – не унималась «кокетливая шляпка». – Я вот купила импортный.

– Кто вам сказал, что отечественные хуже?

– Хуже, хуже. Игла толстая и вообще...

Долго потом ещё «кокетливая шляпка» сеяла смуту, терзая очередников вопросом: «Вы шприц купили? У них отечественные. Они хуже...»

Говорила она, в общем-то, правду. Но только потому, что кто-то присоветовал ей купить шприц, и она, дура, купила, а «у них», оказывается, шприцы-то есть, хоть и отечественные. Вот ведь какая неприятная женщина.

Под надзором хлопотливой мамыши прибыл сдавать кровь бледный юноша измождённого вида. Ему явно было нехорошо то ли от неведомой болезни, то ли от неминуемой процедуры. Мамаша растолкала сидячих очередников и бережно пристроила своё чадо на кушетку.

Рядом сидящая сердобольная тётка, оглядев «умирающего», сказала успокоительно:

– Не бойсь, малый. Это совсем не больно. Из пальца – больней.

Юноша благодарно поглядел на тётку, будто ища защиты. И тут влезла неугомонная «кокетливая шляпка»:

– Это, смотря у кого какие вены. Бывает, всю руку истыкают...

Она опять говорила правду. А юноша, подкатив глаза, сползал по бледно-зелёной, как его лицо, стене...

Над дверью приветливо моргнула лампочка, и Серёга, держа подмышкой куртку, шагнул в кабинет.

– Молодой человек, вы что, читать не умеете? – грозно спросили из глубин кабинета. – На двери же ясно написано: «В верхней одежде не входить».

– Так у вас в гардеробной номерочков нету, – попытался сопротивляться Серёга. – Я тут, в уголочке, пристрою...

– Вы русский язык понимаете? Не положено!..

Серёга выскочил из кабинета, лихорадочно огляделся и сунул свою старенькую курточку с брезентовым верхом за старушку, дремлющую на кушетке.

Пока он этим занимался, вперёд него проскочил какой-то дядька. Но Серёга всё же ворвался в кабинет кровосдачи следующим.

Укола он даже не почувствовал, а кровь из молодой вены брызнула в отечественный шприц весело, заиграла расплавленным рубином...

Выйдя из кабинета, Серёга не нашёл свою курточку и очень расстроился. Кушетка на месте, старушка на месте, а курточки нету. Потыкался по другим кушеткам – безрезультатно. По всему выходило: спёрли курточку. Старенькую, дермовенькую, с линиялым брезентовым верхом, а спёрли!

У стоящих в очереди чего выяснять? Вон у них у всех лица бледные, глаза стеклянные – больные люди. Пошёл Серёга искать главного поликлинического врача, чтобы о неприятном факте заявить. Нашёл.

– Что же у вас тут творится? – спрашивает. – Номерочков в гардеробе нету, а в кабинет – не положено. Кто же за курточку ответит?

А главный ему говорит:

– Вы странный, ей-богу, больной. Мы же как раз для таких как вы на каждом этаже объявления развесили. Чтоб за ваши курточки и сумочки не отвечать. Пойдёмте, покажу.

И выводит Серёгу в коридор. А там, как раз против лифта плакатик висит: «Администрация поликлиники не несёт ответственности за вещи, оставленные в коридоре». И привет.

А болячки серьёзной никакой у Серёги не нашли. Вот только за курточку обидно. Ну да он себе новую купил, кожаную. Денег что ль нет?

Ноябрь 2004 г.

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!..

В коридорах районной поликлиники прохладно, благодно. Попадая сюда с летней улицы, чувствуешь себя везучим пескарём, чудом, в последний момент соскользнувшим с раскаленной сковородки. Сквозняки гоняют по этажам целебный воздух, крепко настоящий на фармацевтических запахах. Дыша этим бальзамом, пациент, сумевший доковылять до поликлиники, просто обязан, если не выздороветь окончательно, то уж непременно почувствовать себя много лучше. Да что воздух, когда один вид белых, серьезно накрахмаленных халатов, в коих стремительно снуют по коридорам многочисленные медработники, лечит.

Лабиринты поликлиники, сообразуясь со специфичностью заведения, наводят на мысли о строении желудочно-кишечного тракта. В аппендиксе хирургического

отделения людно, но тихо и покойно. Пациенты, рассевшись по кушеткам, расставленным вдоль зеленых стен, ведут негромкие беседы на медицинские, разумеется, темы. Перебинтованные, зафиксированные гипсом руки, ноги, головы говорят о том, что все собравшиеся пришли навестить травматолога. Впрочем, сегодня в отделении работает он один.

Как и в любом сообществе людей, волей обстоятельств принужденных проводить длительное время вместе, в очереди есть бесспорный лидер. Не нужно долго присматриваться, чтобы понять: таковым является пожилая пышнотелая женщина в красной кофте, не имеющая видимых повреждений, но общительного характера. Непостижимым образом ей удается контролировать всю довольно многочисленную и размазавшуюся по слепой кишке очередь. Именно стараниями этой славной женщины обеспечен и поддерживается порядок, достойный показательного воинского подразделения: каждый увечный закреплен за впередистоящим, к нему, в свою очередь, приставлен следующий и так далее. Вновь прибывшим лидер самолично указывает, за кем им следует держаться и где сидеть или стоять, дабы не ломать кропотливо взлелеянный общественно-медицинский строй. Даже мужчины, которые, как известно, не могут более получаса обходиться без курева, не матерясь при этом сквозь зубы, отлучаясь на перекур, как бы спрашивают разрешения начальницы очереди, а возвратившись, докладывают: явился, мол, жду дальнейших указаний. Чётко, культурно, организовано.

Пугает мысль: а что же будет, когда, дождавшись своей очереди, эта женщина нанесет визит доктору и отбудет восвояси? Анархия, беспредел и, как следствие, склоки и раздоры!.. Многие из наших соочередников, разумные, но всё же ослабленные духовно и физически приключившимися с ними несчастьями люди, могут запросто из хирургического отделения перекочевать в неврологическое. Думать об этом мучительно.

В конце коридора, на фоне закатного окна, появляется странно шаркающая процессия. По мере приближения видно, что центральной фигурой является худой высокий старик, суетливо поддерживаемый под локотки двумя молодыми людьми – мужчиной и женщиной. Передвигается старик маленькими, невнятными шажками, сопровождая их ритмичным потряхиванием мумифицированной головы. Перед собой, гордо, как флаг, он несёт на вытянутой руке большой палец, наспех замотанный пестрой тряпицей. Взгляд старика обращен внутрь себя давешнего, теперешнюю реальность он воспринимает как неизбежность исключительно через этот самый палец, который, судя по всему, болит. На лицах, вероятно, внуков явственно пропечатана нетерпеливая досада.

Начальница очереди, завидев приближающуюся группу, отдает несколько коротких распоряжений и легонько двигает обширным корпусом сидящих на кушетке. Сидевший крайним, погрузившийся в книгу парень с забинтованной на манер велошлема головой недоуменно хлопается на пол.

– Сюда, сюда сажайте, – покровительственно говорит краснокофтый лидер.

– Да мы... Ветеран он... – почему-то стыдливо лепечет внучка и, поняв по лицам очередников, что подобное заявление в корне ничего не меняет, подталкивает деда в образовавшуюся на кушетке щель между заботливой гражданкой и мужичком, обладателем, как уже известно очереди, резаной раны предплечья.

Старик водружен на отведенное место, закреплен за рыжеволосой девушкой, бережно, будто новорожденного первенца, прижимающей к груди упакованную в гипс руку. Провожатые, оценив обстановку и прикинув, что ждать придётся никак не меньше двух часов, удаляются.

– Ольга Васильевна-то как? – поворачивается краснокофтая к женщине справа, продолжая беседу, прерванную организационными делами по постановке на учёт старика с пальцем. – Сто лет уже прошло. Помню, когда к тебе после уроков заходили, так она всегда меня клубничным вареньем угощала. Очень милая женщина.

Собеседница тяжело вздыхает:

– Ох, Валечка, измучила она нас. Из ума-то давно выжила, да вот, поди ж ты, всё топчется, покоя ей нет. Хуже дитя малого: «Это я не хочу, то я не буду. А платье на меня наденьте то самое, в каком Петеньку, мужа незабвенного, на фронт провожала...» Да эту тряпку ветхозаветную в руки брать страшно! Её даже моль не жрёт, пылью веков отравиться боится.

– Да, со стариками трудно, хлопотно, – соглашается Валечка, при этом кивком направляя двух подчиненных добровольцев наперерез попытавшемуся проскочить без очереди гражданину на костылях. – Моя-то матушка давно упокоилась, царствие ей небесное. А Ольге Васильевне сколько ж стукнуло?

– А кто считает-то? По паспорту, вроде, девяносто семь или девяносто восемь, а на самом деле так и все сто пятьдесят. Представляешь, она Керенского помнит. Приковыляет вечером на кухню, растопырится в дверях и давай рассказывать. А кому это теперь нужно? Она, конечно, больше лежит, слабая стала, но помирать точно ещё лет пятьдесят не собирается. Каждый день к обеду стопку водки требует, а от этого ещё несносней делается: внукам житья не даёт, кошечку нашу обижает. А стирки на неё сколько, а уборки. Жилплощадь опять же занимает. На неё одну все горбатимся. Муж теперь с работы только ночевать и приходит. «Могу, –

говорит, – с этим динозавром в одной квартире находится, только когда он почивать изволит». Прямо беда. Скорей бы уж Господь её прибрал.

Вид у женщины действительно несчастный, и монолог этот выплескивается из неё, как перебродившее сусло. Участливо впитывавшая излияния Валечка говорит, понижая голос:

– Я тебя научу. Знаешь, как от чеченской водки народ мрёт? Вот и подсунь ей. И греха большого не будет – пожила, слава Богу...

В разговор врывается рыжеволосая девушка с гипсом, она стоит напротив и всё слышит:

– Да как вам не стыдно! Вы же сами пожилая женщина! Это же преступление! А ещё Бога поминаете!..

– А ты, милочка, не лезь не в своё дело, – осаживает начальница очереди. – Умные джуге стали. Преступление – это, когда вы по подъездам наркотиками колетесь, а потом уродов плодите. Ишь, Богом попрекает, сопля зелёная! А немощных стариков надо всех умерщвлять – им уже самим жить тошно. И закон такой принять: перестал пользу приносить – не мешай другим. Это же акт гуманности. Верно, товарищи?

Очередь давно вникла в суть разговора и, обнаруживая – о, ужас! – редкое единодушие, начинает живо обсуждать способы убийства неизвестной им доселе Ольги Васильевны...

Рыжеволосая девушка убежала, давясь слезами и обнимая загипсованную руку, – гипс она снимет дома и, наверное, будет долго ещё бояться ходить в поликлинику, ездить в автобусе и, вообще, оказываться в местах, где люди собираются для вынужденного безделья.

Валечкина знакомая испугана и тоже порывается уйти – ей обреченная Ольга Васильевна доводится как никак всё же родственницей.

Не принимает участия в дебатах и старик, прибывший последним. Впрочем, несмотря на отрешенный вид, он продолжает мелко трясти головой, как бы одобряя каждое слово, а выставленный вперед и вверх большой палец тоже, вероятно, что-то означает.